

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

А.И. Черных

**ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ
И ПУБЛИЧНАЯ ЭКСПЕРТИЗА**

Препринт WP14/2010/05

Серия WP14

Политическая теория
и политический анализ

Москва
2010

УДК 32.019.51:070
ББК 76.0
Ч 49

Редактор серии WP14
«Политическая теория и политический анализ»
М.Ю. Урнов

449 **Черных, А. И.** Экспертное знание и публичная экспертиза : препринт WP14/2010/05 [Текст] / А. И. Черных ; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 32 с. – 150 экз.

Ныне мы являемся свидетелями формирования нового типа общества, в основе которого лежат новые информационные технологии переработки знаний, что означает колоссальное возрастание роли экспертизы как основы принятия стратегических решений во всех сферах общественной жизни. В работе на широком социокультурном фоне анализируются специфические особенности научного знания, традиционно выступающего как базис всех экспертных оценок, разбираются ширококомасштабные изменения, произошедшие в науке в ее постнеклассической форме, исследуются характеристики повседневности, где работает специфическая – абдуктивная – логика, но именно на сознание повседневного деятеля и ориентирована публичная экспертиза как превращенная форма PR-деятельности.

Работа выполнена при поддержке Научного фонда ГУ ВШЭ в рамках Индивидуального исследовательского проекта № 08-01-0046 «Медиа и политика: принципы исследования и практики взаимодействия».

УДК 32.019.51:070
ББК 76.0

Препринты Государственного университета – Высшей школы экономики размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>

© Черных А.И., 2010
© Оформление. Издательский дом
Государственного университета –
Высшей школы экономики, 2010

Одним из основных определений современного периода человеческой истории является «информационное общество», или общество знаний, рассматриваемое исключительно со знаком плюс и чуть ли не как явленная наконец-то цель, венчающая собой века прогрессивного развития Homo sapiens. Это общество нового типа, в основе которого лежат новые информационные технологии переработки знаний, строится в соответствии с определенной идеологией на основе выбираемых стратегий. Это обстоятельство и определяет нарастающую в современных условиях роль экспертизы, что позволяет некоторым исследователям даже говорить о появлении нового облика властвующей элиты – экспертократии, а саму эпоху называть «эксперткратической»¹. Естественным образом в качестве эксперта (от лат. *expertus* – опытный) выступает профессионал, то есть человек, получивший специальное образование, а потому являющийся специалистом в какой-либо области знаний, производящий экспертизу, например, судебный эксперт, а экспертиза – это исследование какого-либо вопроса, требующее специальных знаний и завершающееся представлением мотивированного заключения. Такой тип специализированной экспертной деятельности можно обозначить как отраслевую, или предметную, экспертизу, выполнение которой требует осуществления фиксированных процедур с помощью известных инструментов, подчиненных жесткому алгоритму вполне конкретной узкой специализации*. Поскольку экспертное знание всегда компетентное знание, с понятием экспертизы оказывается теснейшим образом связанным понятие компетенции (лат. *competens, competentis* – соответствующий, способный; *competentia* – принадлежность по праву), определяемое, с одной стороны, как круг полномочий какого-либо органа или должностного лица, согласно теории «идеальной бюрократии» Макса Вебера, и, с другой, – как круг вопросов,

---

¹ См.: *Ашкеров А.* Эксперткратия. Управление знаниями: производство и обращение информации в эпоху ультракапитализма. М.: Европа, 2009.

* К этому типу относятся виды предметных экспертиз, например, медицинские (экспертиза трудоспособности, профпригодности, судебно-медицинская, судебно-психиатрическая), финансово-экономические экспертизы (аудит, оценка стоимости активов и т.п.), а также правовые экспертизы законопроектов, нормативных документов, договоров и т.п.

в которых данное лицо обладает познаниями, опытом. Иными словами, эксперт — это всегда *профессионал в конкретной области знаний*, то есть представитель научной рациональности, суждения которого обоснованы, то есть не являются простыми предположениями или неопределенными допущениями, которые характерны для дилетанта, являющегося носителем повседневного знания, то есть мнения. Здесь мы приближаемся к сфере нашего интереса, поскольку, в отличие от предметных экспертиз, применение которых, как правило, ограничивается конкретными ситуациями с заранее определенными параметрами и ограниченным набором последствий, существует более широкий по предмету и последствиям тип экспертиз, который отечественные исследователи обозначили как «комплексная гуманитарная экспертиза»². Ее характеристики — это, прежде всего, предельно широкое предметное поле, включающее в себя обширные сегменты социальной практики, подлежащие изменениям в ходе принятия тех или иных решений на основании результатов экспертизы. Это означает междисциплинарный характер такого рода экспертизы, то есть выход за пределы углубленной узкой специализации, то есть расширение пределов профессиональной компетенции, практически выход за ее пределы, результатом чего является отсутствие гарантий достоверности предлагаемых оценок. Другой важной характеристикой оказывается необходимость включения в эту экспертизу мировоззренческих оценок. И, наконец, в отличие от результатов предметных экспертиз, представляющих собой однозначные умозаключения, выводы такого рода экспертизы, как правило, представляют собой вероятностный ответ. Вообще говоря, в этом нет ничего удивительного, ибо в рамках подобного рода экспертиз мы имеем дело с человеческим фактором, реальная динамика которого трудноуловима, а предположения статистического характера слишком грубы. При этом не существует другого основания для принятия масштабных социально-политических решений, кроме экспертизы, образцом которой является «мозговой штурм» в think tank'ax, которая несет на себе ауру «научности», что и означает признание экспертизы. В этом корень проблемы: насколько научной является экспертиза, выступающая в виде публичной экспертизы. Начнем с начала — с

---

² См.: Леонтьев Д.А., Иванченко Г.В. Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл. М.: Смысл, 2008.

анализа принципов научного знания и изменения этих «параметров», поскольку этот вопрос, кажущийся интуитивно ясным для любого человека с высшим образованием, содержит ряд неочевидностей, прояснение которых имеет принципиальное значение для последующего анализа.

Наука – основа экспертизы

Экспертное знание – синоним знания научного, более того, знания, которое является целью классической науки, как она формируется в европейской традиции Нового времени. Зародившись в Европе XVII столетия, современная наука стала на протяжении последующих веков главным орудием освобождения человека от власти религиозных предрассудков, магических суеверий, то есть средством рационализации мира. Макс Вебер называл этот процесс онаучивания и рационализации «расколдовыванием» мира. На практике эта «интеллектуалистская рационализация посредством науки и научной техники... означает, что человек... может увидеть, что нет больше принципиально непознаваемых таинственных сил, вмешивающихся в жизнь, что он может в принципе овладеть посредством рационального расчета всеми вещами. А это и значит расколдовывание мира»³.

Становление науки было длительным процессом. Даже в период Возрождения нельзя было еще говорить о существовании науки в современном смысле слова. Тем, что можно назвать наукой, занимались свободные художники, врачи, инженеры, гуманисты и универсалисты типа Леонардо да Винчи, лишь медленно и постепенно обозначающие принципиальное единство собственных занятий. Вплоть до XVI столетия существовал глубокий разрыв между систематическим интеллектуальным образованием, которое было привилегией высших слоев общества, и тем, что можно назвать экспериментированием, остававшимся уделом более или менее образованных низших слоев. Первое рождало «гуманистов» и «универсальных ученых», второе – «ремесленников». Разрыв был действительно глубок. Как

---

³ Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre* (1919). Stuttgart, 1986. S. 594.

отмечают авторы одного из новейших исследований по социологии науки, он коренился даже в языке: выдающиеся гуманисты того времени, как правило, абсолютно игнорировавшие революционные изменения в тогдашней технике, писали свои трактаты на латыни, а «ремесленники» — навигаторы, врачи, техники и т.д., — если писали вообще, то писали на родном языке. Барьеры начали исчезать к концу XVI столетия, когда теория и эксперимент стали рассматриваться как неотъемлемые составные части научной деятельности, и академически образованные ученые стали осваивать экспериментальные методы. Воплощением синтеза теоретических размышлений и экспериментальной практики явилось творчество Галилео Галилея, в деятельности которого явно воплощены текущие, отмеченные выше изменения в корпусе науки, причем парадоксальным образом: вошедшие в состав его книги «Диалоги» (1634 г.) теоретико-математические статьи написаны на латыни, а экспериментально-описательные — на итальянском языке.

Но соединение теории и эксперимента еще не вело к институционализации науки, которая начала происходить лишь в XVII веке, когда под влиянием прежде всего формирующейся философии Просвещения на место античной древности как высшего авторитета познания был поставлен авторитет разума. Наука начала процесс расколдовывания мира с самой себя. Так, Френсис Бэкон в сочинении «Новая Атлантида» (1620 г.) описал некое утопическое идеальное государство, в котором правят ученые, и жизнь которого определяется исключительно научным знанием. Цель этого государства — прогресс знания, дающего возможность господства над природой во имя улучшения человеческой жизни. Идеалом знания стало не божественное откровение, а систематическое знание на эмпирической основе.

Не менее важно и то, что в рамках Королевского общества — первого объединения ученых, возникшего в 1622 г. в Англии, а также и других подобных образований, появившихся несколько позже на континенте (например, французская «академи де сиянс»), стала формироваться особая «жизненная форма», или жизненный стиль, который можно с некоторыми оговорками считать жизненным стилем, характерным для современной науки. Характеристиками этого стиля являются *ценности науки*, а именно: объективность познания, стремление к истине, экспериментальное и эмпирическое обоснование,

использование знаний во благо общества, убеждение в значимости прогресса науки и т.д. Именно эти ценности и стали залогом того, что наука в течение более чем трех столетий являлась и продолжает являться едва ли не главным орудием расколдовывания мира, о котором говорит Макс Вебер.

За истекшие столетия наука сохранила свой идеальный образ и подтвердила те идеальные ценности, которые были положены в ее основу учеными-джентльменами Королевского общества. Более того, наука распространила эти ценности и на многие другие сферы и области индивидуальной и социальной человеческой жизни. Мы живем в невероятно «онаученном» обществе. Прилагательное «научный» является синонимом слов «лучший», «высококачественный», вообще «предпочитаемый». Это означает, что научность, понимаемая как истинность, объективность, непредвзятость, заняла едва ли не самое высокое место в иерархии социальных ценностей. «Научно доказанное» утверждение – это окончательное утверждение, не подлежащее сомнению и обжалованию. Это изменение в ценностных системах произошло, конечно, не в силу какой-то субъективистской экспансии воли научного сообщества, а по причине высочайшей *эффективности* науки, приведшей к кардинальным изменениям в образе жизни и предметно-материальной среде существования человека: все высочайшие стандарты материального бытия, доступные каждому при наличии финансовых возможностей, являются результатами практического внедрения научных результатов.

Но параллельно с происходящими благодаря науке изменениями условий человеческого существования и сама наука в ее реальном социальном бытии преобразилась до неузнаваемости. Во-первых, освобождая человечество от власти суеверий, голода, болезней, сама наука парадоксальным образом не стала свободной, а, быть может, закабалилась еще больше по сравнению с теми временами, когда ученые получали средства на жизнь от своих феодальных господ. Современная наука ориентируется не столько на свободу познания, сколько на практические потребности промышленности и государства: кто платит, тот и заказывает музыку. Можно предположить, что прикладная наука не столько следует за фундаментальными открытиями, сколько определяет направление фундаментальных исследований. Расчет возможной эффективности становится решающим в

процессе выбора направления для фундаментальных исследований. Если быть более точным, прикладная и фундаментальная науки взаимно определяют друг друга. Полностью свободного научного поиска с последующим использованием полученных результатов для блага общества практически не существует. Это происходит по двум причинам. Прежде всего, по причине дороговизны оборудования, используемого в современном исследовании, которое просто-напросто недоступно действительно независимым группам и коллективам ученых, а также по причине глубокой включенности научных организаций в государственные и индустриальные институциональные структуры, где они существуют на правах суборганизаций, представители которых далеко не всегда имеют право голоса при принятии стратегических решений, даже тех, что касаются непосредственно их области.

Если посмотреть на эту ситуацию с точки зрения идеала XVII века, то мы увидим, что идея свободного научного сообщества осталась в конечном счете нереализованной, так же как и идеал свободы научного поиска. Если при этом принять во внимание нарастание масштабов и сложности организации науки, что влечет за собой иерархизацию и бюрократизацию складывающихся внутри этого социального института отношений, то очевиден иной образ современного ученого — ныне это не столько свободный познающий индивид, ориентированный на поиск истины, но маленький клерк (или большой чиновник) в крупномасштабном научном *производстве*, стратегию которого определяют люди, руководствующиеся иными ценностями, не совпадающими с классическими ценностями науки.

Один из возможных ответов на вопрос, почему это произошло с наукой, дает Жан-Франсуа Лиотар, причем идет он с «конца» — отталкиваясь от воздействия науки (знания) и ее результатов (технологии) на жизнь и опыт современного человека. Он констатирует, что описания общества как целостности, тотальности, независимо от того, как «оформлено» это описание (в терминах целостности, спаянной «органической солидарностью», как у Эмиля Дюркгейма, функциональной дифференциацией на основе «нормативного консенсуса», как у Талкотта Парсонса, или насилием одного класса над другим, как у Карла Маркса), представляется все более и более неадекватным по причине утраты в современном мире доверия к мета-

повествованиям⁴. Метаповествования — это всеобъемлющие теории: теория социальной эволюции, или теория закономерного чередования социально-экономических формаций, или учение о том, что целью общества является удовлетворение потребностей его членов и т.п. Отличительным признаком и теоретико-социальной функцией метаповествования является дедуцирование (если речь идет о теории) или навязывание (в мире социальной практики) теоретических решений или форм поведения, которые диктуются заранее принятым способом видения целого. Метаповествование (или «метанарратив», в терминологии Лиотара) предполагает телеологию, то есть идею смысла и цели целого, которая оправдывает и обосновывает (легитимирует) насилие в обществе и, соответственно, использование знаний для целей насилия. Это означает, что именно метаповествование наделяет смыслом науку, политику, любой фрагмент социального поведения. Если говорить конкретно о науке, то, по логике Лиотара, она вообще существует как таковая именно благодаря опоре на метаповествование, «лежащее» за ее пределами, а именно — представление о единстве мира и объективно существующих целей и задач его научного познания. Именно эти метанарративы служат главными средствами как легитимации правил науки, так и интеграции научного сообщества на основе академического порядка знаний⁵.

Лиотар выделяет два метанарратива, на которых зиждется наука: идея получения знания во имя самого знания и идея знания во имя освобождения от природного и социального гнета. На самом деле, говорит он, в современную эпоху, когда сложность взаимоотношений знания, общества, природы необычайно возросла, не существует одного или даже двух решений вопроса о природе знаний. Раньше имела вера — сначала религиозная, потом научная, — которая давала представление о конечной цели. В наше время технологическое развитие (прежде всего, компьютерные технологии) привело к тому, что внимание ученых переместилось *с целей на средства*: то, что счи-

---

⁴ Liotard J.-F. The Postmodern Condition. Manchester, 1984 (оригинальное французское издание — 1979).

⁵ Порядки знания информационного общества глубоко проанализированы в монографии немецкого исследователя Хельмута Шпинера (Helmut Spinner) “Die Wissensordnung. Ein Leitkonzept für die dritte Grundordnung der Informationszeitalter”. Opladen: Leske+Budrich, 1994.

талось средством (технологии), превратилось в самоцель; в результате метанарративы лишились смысла. Независимо от того, идет ли речь о знании во имя знания или знания во имя освобождения, спекулятивные или революционные (освободительные) метанарративы не имеют уже отношения к самой научной деятельности, ориентированной на поиск истины.

Лиотар предлагает рассматривать науку как «языковую игру» в витгенштейновском смысле⁶. Согласно концепции языковых игр, никакая теория не в состоянии понять язык в его целостности, разве что она сама является одной из языковых игр. Так же, считает Лиотар, надо подходить и к метанарративам: каждый из них — языковая игра, являющаяся одной из множества языковых игр. Таким образом, спекулятивные метаповествования релятивизируются, но при этом они сами претендуют на объективное описание явлений. Лиотар же требует рассматривать каждое из них как языковую игру, правила которой могут быть вычленены путем анализа способов соединения предложений друг с другом.

Каковы правила языковой игры под названием «наука»?

- В качестве научных допускаются только дескриптивные суждения.
- Научные суждения по существу отличаются от нормативных суждений, которые только и используются для легитимации всякого рода гнета и насилия.
- Компетентность требуется только от того, кто формулирует научные суждения, а не от того, кто их принимает и использует.
- Научное суждение существует как таковое лишь в системе суждений, которая подкреплена аргументативно и эмпирически.
- Из предыдущего следует, что языковая игра «наука» требует от участника знакомства с современным состоянием научного знания⁷.

---

⁶ Л. Витгенштейн ввел понятие языковой игры, чтобы показать, что значение слов возникает из контекста их применения. Изменение контекстов меняет значение слов. Значение конкретного слова возникает как бы в ходе игры из сочетания и соотношения нескольких контекстуальных значений. В более широком смысле под языковой игрой Витгенштейн понимал «жизненную форму», то есть сочетание некоторых правил установления значений с социально-исторической практикой, элементом которой эти правила являются (см.: *Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. М., 1994).

⁷ *Liotaud J.-F.* Op. cit.

Следствием так понимаемой науки является отказ от метанарратива для целей собственной легитимации, ибо правила ее имманентны, то есть содержатся в ней самой. Изменяется и представление об успехе в науке: для того, чтобы вести научную деятельность успешно, конкретному ученому вовсе не нужно добиваться освобождения от кого-то или чего-то, а также не требуется демонстрировать «прогресс» знания. Достаточно признания его деятельности соответствующей правилам игры, что означает признание ее в качестве научной деятельности другими представителями ученого сообщества. Наука, таким образом, оказывается *самоподдерживающимся* предприятием, не нуждающимся в каком-то внешнем по отношению к ней самой оправдании или обосновании.

Наличие такой игры ничего не говорит о важности науки и месте, которое она занимает в современном обществе. Поэтому Лиотар идет дальше. Как явствует из приведенных правил, научные суждения требуют эмпирического подтверждения. В сложных случаях само получение подтверждения требует комплексной технологии. Технология организуется согласно принципу эффективности, то есть с целью получения наибольшего результата при наименьших затратах. Но комплексная технология требует денег. Тот, кто располагает финансами, оказывается в состоянии получить искомое доказательство своих теоретических суждений. Таким образом, говорит Лиотар, технология оказывается не следствием «применения» научных суждений в промышленной и социальной практике, а средством получения самих этих научных суждений.

Так «составляется уравнение из богатства, эффективности и истины», — констатирует Лиотар⁸. Поскольку по причине ограниченности ресурсов подход с точки зрения эффективности преобладает, истина оказывается на стороне лучше финансируемых исследований. Ибо именно те, кто имеет достаточно финансирования, оказываются в состоянии обеспечить технологию, нужную для получения эмпирического подтверждения. Более того, на их стороне оказывается и справедливость: получение эмпирического подтверждения свидетельствует о том, что распределение средств было справедливым. А если те, кто имеет финансы, имеют и власть (а это, по Лиотару, неизбежно, ибо они получают доход, используя результаты исследования),

---

⁸ Ibid. P. 45

то оказывается, что наращивание технологий есть одновременно наращивание власти, богатства, истины и справедливости. И все это находится на одном полюсе общества, то есть локализовано в одних и тех же социальных группах. Знание, воплощенное в современной высокоразвитой науке, оказывается, если следовать Лиотару, не только сила, оно же – и власть, и богатство, и истина, и справедливость.

Все это справедливо лишь при условии, что эффективность как критерий применения технологий не ставится под вопрос. Если же возникает сомнение в применимости этого критерия в науке, то есть как только он выходит из пределов научной игры, возникает необходимость метанарратива для ее обоснования, такой метанарратив предоставляет современная системная теория общества (Т. Парсонс, Н. Луман).

Все в целом – системная теория общества и языковая игра «наука» – неотъемлемые элементы когнитивной эпохи модерна. В новых условиях – в условиях постмодерна – на смену гладкому функционированию систем идет плюрализм подходов, непредсказуемость ходов в игре, отклонения и раскол. Если правила игры, хотя бы некоторые, отвергаются, то невозможно говорить об «ошибке», о «неправильном ходе» в игре. А эти новые условия наступают: как показывает Лиотар в последующих работах⁹, не существует логической возможности редукции общих суждений к конкретным ситуациям и обстоятельствам дел, и поэтому распад метанарративов – естественный путь преобразования человеческих знаний.

Кроме того, даже в предельно «онаученном» обществе, каковым является наше сегодняшнее общество, наука далеко не стала всеобщим достоянием. Всеобщей является скорее научная «неграмотность» подавляющего большинства населения. Продукты науки – это в полном смысле слова отчужденные продукты. Люди знают, как их использовать, но не знают, как и почему они работают. Для большинства технические воплощения научных открытий – типичный «черный ящик», про который известно, что на входе и что на выходе, но неизвестно, что и как происходит внутри. «Научные» представления имеют метафорический характер, как, например, представления об электрическом «токе», атомном ядре, электронах и пр.

---

⁹ См. особенно: *Liottard J.-F. The Differend: Phrases in Diapute. Manchester, 1986* (оригинальное французское издание – 1983).

Более того, безусловно возросшая интеллектуализация и рационализация не привела к увеличению знания человеком своих жизненных условий, поскольку она означает нечто другое, а именно: знание или веру в то, что человек, если он *желает, может* в любое время приобрести это знание, поскольку не существует таинственных (непознаваемых) сил, препятствующих этому процессу. Иными словами, путем рационального расчета человек может овладеть чем угодно; как писал Макс Вебер, «теперь людям не нужно, как дикарям, для которых эти силы существуют, прибегать к магии, чтобы обезвредить или подчинить себе духов, — для этого имеются орудия техники»¹⁰.

Все это приводит совершенно не к тем последствиям, о которых говорили пророки современной науки. Наука оказывается не столько расколдовыванием мира, сколько, наоборот, его научным заколдовыванием — новым волшебством, ключи от которого находятся в руках избранных, каковыми представляются ученые. Но эта колдовская мощь ученых также оказывается всего лишь иллюзией общественного сознания. Это происходит по двум причинам. Первая из них — это разделение научного труда и глубочайшая специализация научного знания, в результате которой законченные научно-технические продукты как целое оказываются часто непонятными и непрозрачными для каждого индивидуального ученого. Кроме того (это причина, непосредственно связанная с предыдущей), сложность современных технических систем столь высока, что они как бы обретают собственное существование и собственную логику, далеко не до конца доступную самим их создателям. Наука, таким образом, вместо того, чтобы расколдовать мир, в ходе самого процесса его расколдовывания, вновь, но уже иначе, чем раньше, заколдовала его, приобретя сама существенные черты магии.

Еще один момент стоит отметить: в результате двухвекового господства научного оптимизма Просвещения в современном общественном сознании она оказывается как бы стилизованной под главного носителя и исполнителя человеческого *спасения*, что придает ей отчасти религиозный характер. К тому же, приняв во внимание склонность некоторых членов научного сообщества появляться в роли

---

¹⁰ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre (1919). Stuttgart, 1986. S. 594.

гуру и провидцев на телеэкранах и в газетах со своими версиями окончательной истины, а также массовую веру в то, что наука эти истины знает, то смело можно говорить о том, что наука, устами своих пророков возвестившая эпоху освобождения от религии и суеверий, сама переняла существенные функции религии, стала религией нашего времени. Все это позволило Юргену Хабермасу дать не просто иное, но прямо противоположное веберовскому определение современной эпохи — *новая непрозрачность*. Таким образом, круг замкнулся, и господство магии и суеверий осуществляется ныне на базе науки, открывая простор для нового обетования — веры в экспертизу.

Критерии научности экспертизы

Итак, научная экспертиза, несмотря на все изменения в корпусе научного знания, которые рассмотрены выше, ориентирована на знание, то есть на истину. Она предназначена для «своих» — членов научного сообщества. Основные черты научного знания:

1) «коммунизм знания», предполагающий несвязанность его с социальными и имущественными обязательствами и отсутствие права собственности на знание;

2) освобожденность знания от партикулярных, то есть частных интересов ученого, который, по словам Альфреда Шюца, заходя в свой кабинет или лабораторию, стряхивать со своих ног уличную пыль, то есть влияние внешнего мира, социальную обусловленность своего существования;

3) свободу ученого от обязанности действовать и от ответственности за последствия своей деятельности, благодаря чему познание получило возможности гораздо большего развития, чем в случае, если бы обязанность деятельности была предписана ученому, то есть отделение теории от ее практических результатов;

4) свободу исследования и преподавания, то есть отделение науки от государства.

Естественно, эти принципы нигде и никогда не были реализованы в полной мере (еще в 80-е годы прошлого века Поль Фейерабенд ставил в качестве актуальной задачи отделение науки от государства). Тем не менее это представление об особенностях научного познания

являлось не только идеальным типом, но и регулятивной идеей, на которую ориентировались как ученые, так и научные организации.

Задачей «актеров», действующих в рамках этого научного порядка, является изготовление и распространение знания в ходе исследований и публикации их результатов. В этой сфере производится почти исключительно «чистое» теоретическое знание, эмпирическая же информация, «внешняя» по отношению к самому этому порядку, служит целям «внешней» проверки теоретических достижений. На названные цели ориентируется вся внутренняя структура этого порядка, представляющая собой совокупность ценностей и норм, регулирующих поведение индивидуумов. Это нормы и ценности улучшения, распространения и постоянной критики получаемых знаний, невзирая на наличие чуждых науке интересов, практические затруднения деятельности, воздействия власти и т.д. Эти нормы и ценности как раз и являются конститутивными принципами классического порядка, основанного на идее «коммунизма знаний», господствующего в рамках научного сообщества. Руководящей ценностью сообщества является прогресс познания, состоящий в достижении максимально всеобщего, истинного, как можно более точного и надежного знания. Отделения, характерные для классического порядка знания (науки от собственности, знания от интересов и т.д.), о которых говорилось выше, и здесь мыслятся в качестве конституирующих. Основными институтами этого порядка выступают академические учреждения (университеты, исследовательские институты и лаборатории, частично научные отделы промышленных корпораций, занимающиеся фундаментальными исследованиями), а институциональными ролями — эксперт, исследователь, ученый.

Парадигма «научности» включает в себя и классические нормы научной этики (мотивация на познание, преследование истины, честность в представлении научных результатов, открытость по отношению к критике и т.п.), требования научного метода (объективность, проверяемость), а в отношении с внешним миром — выполнение функции научного консультирования или независимой экспертизы.

Огромным преимуществом этого порядка знаний по сравнению с другими является наличие исторически сложившейся инфраструктуры критики для целей систематической коррекции ошибок, в качестве «встроенного» элемента которой может рассматриваться, например, механизм смены научных парадигм, предложенный Томасом

Куном. Поэтому можно предположить, что академический порядок знания является одним из самых защищенных от ошибок и сознательной дезинформации когнитивных секторов общества. Если это предположение верно, то академическая сфера — «царство» наибольшей справедливости, ибо ее основой и главной предпосылкой являются открытость для критики и равенство шансов. Разумеется, подобное утверждение следует воспринимать *cum grano salis*, поскольку эти ценности отнюдь не реализуются в академической среде в их чистом виде. Речь идет об идеально-нормативной структуре научного сообщества, или об идеально-типическом его образе, если подойти к делу методологически. Реальные процессы во многом не совпадают с идеальным типом, да и само «академическое сообщество» претерпевает изменения как с точки зрения функциональных отношений с широким обществом, так и в своем внутреннем строении, и оба эти направления изменений взаимосвязаны. Ныне академическое сообщество со всеми его нормами, институтами и структурами (академический порядок знаний вообще), если и не маргинализировалось, то, во всяком случае, стало одним из многих «сообществ знания» и не может претендовать на прежнее исключительное место в мире.

Параллельно процессу изменения места академического порядка в обществе идет процесс размывания его прежде стабильных норм. Во-первых, по мере роста масштабов исследований и превращения научных лабораторий в грандиозные фабрики по производству знания «республика ученых» превращается в современную высокоорганизованную корпорацию с бюрократическими структурами, четкой иерархией, разделением функций и секторов ответственности. Это ведет к изменению нормативной среды, прежде всего, к подавлению критики, которая не только затрудняется в силу возникновения жестких бюрократических иерархий, но и фактически становится почти невозможной по причине глубокого разделения функций в ходе исследований. «Соседние» аспекты исследования становятся непрозрачными для коллег.

Во-вторых, главный персонаж классической модели академического порядка — ученый, исследователь, университетский профессор, творящий одиноко и свободно, исчезает со сцены; его место занимает энергичный и деловитый, включенный в сеть властных, экономических и прочих интересов научный менеджер. Как уже говорилось, согласно концепции науки Альфреда Шюца, ученый, входя в свой кабинет, как бы стряхивает с ног своих прах повседневного

мира, полного практических забот и интересов, и остается свободным наедине с вечностью, которую воплощает в себе наука¹¹; этот образ отвечает классическому периоду академического порядка знаний. Классический ученый — космополит, как космополитична и наука вообще, ибо научные проблемы всеобщы и не знают национальных границ. Современный научный менеджер, вплетенный в сеть властных отношений, не может не принимать в расчет как национальной, так и локальной политики, в результате чего его сознание становится ареной конфликта между высшими интересами науки и локальными интересами общественных сил.

То же самое происходит и в отношении экономических интересов. Коммерциализация науки и ее связь с промышленностью превращают результаты исследования в товар. Знание перестает быть общественным достоянием — достоянием всего человечества, как в классической «республике ученых», а становится частной собственностью (автора, заказчика, государства), что практически выводит его за рамки академического порядка, который в итоге начинает разрушаться.

В результате ученый оказывается перед лицом трудно разрешимой дилеммы, которая, как это ни парадоксально, не является дилеммой в рамках норм академического порядка: ориентироваться в своей научной деятельности на свободный рынок или на бюрократические иерархии? Возникает и другая дилемма: чем является для него наука — призванием или службой?

Параллельно вопросам, которые возникают перед отдельным ученым, самому академическому сообществу, а также регулирующим и планирующим науку организациям приходится разрешать такие же дилеммы: развивать академическое самоуправление или, наоборот, переводить науку под управление бюрократических государственных организаций? Как определять стратегию исследований: исходя из целей чистого познания или из интересов лиц и инстанций, финансирующих исследования? Публиковать все, как того требует научная этика, или засекречивать данные по политическим, да и по экономическим соображениям?

Как бы ни решались эти вопросы в каждом конкретном случае, тенденция состоит во все более активном проникновении в академи-

---

¹¹ Шюц А. О множественных реальностях // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 401–455.

ческий порядок знаний норм и принципов, характерных для совсем иных порядков. В лучшем случае речь идет об усложнении отношений между академическим и другими (военно-бюрократическим, экономическим, правовым и пр.) порядками знаний. В худшем — о разрушении классического академического порядка знаний и формировании на его месте какого-то нового порядка или о замещении академического порядка другими, например, перечисленными выше порядками.

Повседневность — сфера обращения публичной экспертизы

Итак, научное знание ориентировано на истину, то есть на строгое и однозначное «везде и всегда» верное утверждение, противостоящее изменчивому мнению, поэтому в любой научной публикации должны быть выполнены стандартные условия «научности» — непротиворечивость, логическая связность и полнота. На сохранение так понимаемой истины работают два столпа науки — критика и сомнение. Однако оба этих «инструмента» перестают работать, когда мы от истины знания переходим к *мнению*, выступающему противоположностью истине, носителем которого является, в терминологии Альфреда Шюца, «человек с улицы»¹².

Что такое мнение? В древнегреческой традиции мнение (докса) означало импульсивную оценку, чувственное отношение и даже оксюморон — «неразумное» знание и противопоставлялось истинному знанию — логосу. Сущность мнения составляет как бы недодуманное, недоосмысленное, недопонятое, то есть то, что не является предметом строгого научного размышления. Что же представляет собой так понятое мнение? Это коллективные представления, включающие в себя традиции, предрассудки и верования, с одной стороны, организованные на основе разума и логики, с другой, представляя собой более или менее связную совокупность размышлений и соображений по тем или иным проблемам. «Мнение, — как пишет известный фран-

---

¹² Шюц А. Хорошо информированный гражданин. Очерк о социальном распределении знания // Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004. С. 559.

цузский исследователь Серж Московичи, — это мгновенная и более или менее логичная группа суждений, которые, отвечая на актуальные вопросы, воспроизводятся во множестве экземпляров у людей одной и той же страны, одного времени и одного общества»¹³.

Мнение «живет» в среде повседневности, а его носители — «профаны» с точки зрения научных экспертов, ибо мнению не должно быть места в науке. Английские джентльмены — члены Королевской академии были бы весьма удивлены, если бы кто-то из их коллег выступил с неким мнением: с собственным мнением нужно и можно выступать на улице, в парке, в пабе, в конце концов, где у каждого есть какое-то мнение, но не в ученом собрании. Однако именно этими приблизительными представлениями и смутными ощущениями руководствуется в своей жизни подавляющее большинство людей, именно эти мнения определяют не только индивидуальную жизнь, но и жизнь общества в целом.

Обычные люди, обобщенным образом которых является «человек с улицы», в своей повседневной деятельности опираются не на научную логику, но исходят из «логики» жизни, весьма далекой от требований обоснованности и всеобщности, характеризующих научное познание. Повседневное «знание» — это относительное знание, которое, тем не менее, позволяет не только ориентироваться в мире, но и осуществлять собственные жизненные планы. В основе повседневных умозаключений лежат не формально-логические структуры научного познания, но абдукция — (псевдо)логический аргумент, выделенный американским философом и математиком Чарльзом Сандерсом Пирсом (1839–1914), позволяющий, по его мнению, «понять явления». Абдукцию Пирс называет гипотезой, возникающей как «озарение»: «Конечно, различные элементы этой гипотезы присутствовали в моем сознании и раньше, но именно мысль сопоставить то, что раньше я не подумал бы сопоставлять, заставляет новое предположение вдруг молнией вспыхнуть в моем сознании»¹⁴. Абдукция как метод «угадывания» типа развертывающегося взаимодействия, восполняющий всегда существующую в реальной человеческой жизни *недостаточность* оснований, представляет собой «обратную» дедукцию, где рассуждение развивается от следствия к по-

---

¹³ *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии. 1996. С. 242.

¹⁴ *Pierce Ch.* Collected Papers. Vol. 6. Cambridge, Mass., 1956. P. 181.

сылке. Так, нормальная дедукция имеет вид: «Все люди смертны, Сократ — человек, следовательно, Сократ смертен». В случае абдукции силлогизм выглядит иначе: «Все люди смертны, Сократ смертен, следовательно, Сократ человек». И хотя на первый взгляд все как будто в порядке, однако, вдумавшись, понимаешь: из смертности Сократа вовсе не следует его принадлежность к человеческому роду, ибо смертны и все другие живые существа. Еще один (забавный, а оттого более убедительный) пример абдукции. Правильный силлогизм гласит: «Все планеты круглые, Земля — планета, следовательно, Земля круглая», тогда как абдуктивный вывод выглядит так: «Все планеты круглые. Маша круглая. Значит, Маша — планета». На самом деле круглая Маша — продавщица из ларька по соседству¹⁵.

Очевидно, что абдукция как основа повседневной «логики» угадывания — весьма ненадежный метод ориентации в типах взаимодействий, поскольку быстро выдвигаемые в его рамках гипотезы столь же легко и быстро опровергаются. Однако иного пути, пожалуй, и нет, когда речь идет об опознании *нового типа* повседневного взаимодействия, ибо дедукция в принципе не дает нового знания. Поэтому в процессе сопоставления неожиданного факта с имеющимся у человека как повседневного деятеля набором ситуаций, личностей, мотивов, зафиксированных в его опыте, языке, люди всегда обращаются именно к абдукции, которая фиксируется в «суждении восприятия», между которыми, как писал Пирс, «отсутствует разделительная линия»¹⁶. На практике человек не замечает своих абдукций, а как бы сразу «видит» людей, ситуации, мотивы, и действует на основе этого видения. Именно эти особенности абдукции выражают специфику социального понимания, которая для взаимодействующих личностей не является логическим процессом, но выступает как прямое и непосредственное *восприятие* явлений.

Это обстоятельство позволило современному немецкому философу Бернхарду Вальдефельсу выделить в качестве особого предмета исследования проблему специфической *рациональности* обыденной жизни¹⁷, на основе которой происходит «формирование и организация человека и общества», — процесс, названный Максом Вебером

---

¹⁵ *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М.: ГУ ВШЭ, 2004. С. 112.

¹⁶ *Pierce Ch.* Collected Papers. Vol. 6. P. 181.

¹⁷ *Вальдефельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. С. 89.

«оповседневнивание», то есть деятельность по обживанию (используя принятые в социальной психологии понятия, это интериоризация внешнего опыта индивидом в процессе социализации), включающая в себя формы обучения, освоения традиций и закрепления норм. Оповседневнивание — это и есть *воплощение и усвоение* всего того, что входит в «плоть и кровь» человека: запоминание языковых выражений, разучивание гамм и аккордов, ориентация в городе или на открытой местности и т.д. и т.п., и именно здесь приобретенные и усвоенные знания и навыки обретают ту «органическую» надежность, которая практически недостижима в процессе сознательного обучения как применения правил, поскольку так понимаемое оповседневнивание само есть *вид опыта*. Тем самым повседневность обеспечивает внеперсональное обезличивание и «закрепление» в пограничной сфере понимания, что позволяет людям взаимодействовать не на основе согласия, предполагающего единство, но на основе типологизации, основанной на «общем тезисе о взаимозаменяемости перспектив» А. Шюца. И значение этих обстоятельств не стоит недооценивать.

Приведу только один пример — подход к решению проблемы социального порядка, предлагаемый сторонниками когнитивной микросоциологии. По их мнению, это решение лежит не в фактическом ценностном консенсусе (где ищут его функционалисты) и не в насилие (как то предполагается конфликтным подходом), но в когнитивных структурах осмысления и описания социального мира, которые применяются людьми в ходе их повседневных взаимодействий. В этом случае общество видится не как некая монолитная система регуляторов, диктующих индивидуумам форму и содержание (то есть мотивацию) их поведения, а как «контингентный»* продукт конкретных взаимодействий.

«В некотором смысле, — пишет немецкая исследовательница К. Кнопп-Цетина, — проблема социального порядка переопределя-

---

* Контингентный — contingent (англ.) — весьма многозначный термин, выражающий целый пучок значений, связанных с процессами возникновения «более высоких» уровней социальности в ходе взаимодействий. Contingent, в Словаре Уэбстера, означает: 1) то, что возможно, но не обязательно происходит, 2) происходящее случайно либо непредвиденным образом, 3) предназначенное для использования в обстоятельствах, которые нельзя точно предсказать, 4) непредсказуемое, 5) зависимое от чего-то другого, или обусловленное чем-то другим, 6) то, что не является логически необходимым (но эмпирически наличное), 7) не вызванное необходимостью (Webster's New College Dictionary. Springfield, Mass., 1977).

ется, традиционный подход к порядку переворачивается с ног на голову. Социальный порядок — не то, что сохраняет целостность общества, контролируя желания и устремления индивидуумов, а то, что возникает в многочисленных повседневных взаимодействиях и взаимоотноиспособлениях этих желаний и устремлений. *Проблема социального порядка... превратилась в проблему когнитивного порядка...*¹⁸. Это означает, что здесь нет двух разноприродных уровней — уровня реальности и уровня знаний, — которые взаимодействуют между собой, причем последний определяется первым. Здесь есть множество «уровней», но все они — уровни знания. Общество есть когнитивная структура *par excellence*.

Именно к абдуктивной логике и апеллируют авторы представленных широкой публике экспертиз, то есть выносимых на арены публичных обсуждений, которыми, как правило, выступают медиа. Научная экспертиза (примером которой может служить любая качественная статья, опубликованная в специальном журнале) обращена к «своей» публике — коллегам по «цеху», могущим, подвергнув сомнению и уничтожающей критике основные тезисы статьи, тем не менее признать правоту автора, сумевшего продвинуться пусть на крохотное расстояние к истине. Именно последняя, то есть истина, всегда и везде равная себе самой, выступает общим регулятором деятельности занятых в этой — научной — сфере людей. В этих двух обстоятельствах — самое очевидное отличие научной статьи от экспертных публикаций, ориентированных в конечном счете не на поиск истины, а на поиск решения, то есть прагматически. Таким образом, экспертные заключения действуют и создаются в другом пространстве, где размерность задана инструментально — соотношением целей и средств. Поэтому в отличие от научных публикаций в экспертных заключениях не просто излагается мнение, но оно излагается с целью убедить, перетащить на свою сторону, добиться согласия, что определяет особую их стилистику. Цель ее — выразить чувство и «точку зрения», рассказать о том, «что такое хорошо и что такое плохо», в конечном счете — раскрыть людям глаза, чтобы убедить их в правильности и даже единственности предлагаемых решений. Фактически каждое растиражированное, то есть представленное публично,

---

¹⁸ Knorr-Cetina K. The Microsociological Challenge to Macrosociology // Advances in Social Theory and Methodology / eds. by A. Cicourel, K. Knorr-Cetina. Boston, 1981. P. 7 (курсив мой. — А. Ч.).

экспертное заключение представляет собой PR-деятельность, или промоакцию.

Promotion culture – mainstream современности

Представление о культуре продвижения как специфической и даже основной составляющей современной культуры складывается на протяжении последних двух десятилетий, толчком к возникновению этого понятия стала публикация книги канадской журналистки Наоми Кляйн «No Logo». В основе этого нашумевшего бестселлера лежит незамысловатая, но от этого не ставшая менее справедливой идея об изменении направления деятельности международных корпораций в 80-е годы прошлого века – переходу от торговли товарами к торговле брендами, продвигаемыми в процессе PR-деятельности с помощью медиа. Именно брендинг и составляет суть современного общественного процесса, что дает определенные основания воспринимать его в качестве сущностной характеристики информационного общества, где именно *управление информацией* становится источником политической, экономической и культурной (символической) власти.

Экспансия медиа и развитие культуры продвижения – не просто параллельные, но теснейшим образом связанные друг с другом процессы¹⁹. Экспоненциальный рост медиапространства, шедший в западном мире с 70-х годов прошлого века, требовавший все увеличивавшегося в объемах контекста для своего заполнения, породил особую группу профессиональных специалистов по стратегиям продвижения – пиарщиков, рекламистов, маркетологов. Успех этих профессионалов по продвижению был неизбежен: изменения в обществе, связанные с утратой доверия и уважения к политикам и правительству, отрыв правящей элиты от проблем населения, толкали политиков в объятия людей, виртуозно владеющих методами политических манипуляций. Трудно не согласиться с одним из видных коммуникативистов Робертом Джекиллом, утверждающим, что «сегодня в нашей жизни осталось весьма мало областей, которые не

---

¹⁹ См. одну из первых книг на эту тему: *Wernick A. Promotional Culture*. L.: Sage, 1991.

были бы затронуты всевозможными рекламными имиджами, лозунгами, историями и риторикой, — всем тем, что в таком изобилии производится экспертами по символам»²⁰. Генетическая связь политтехнологов с рекламой и маркетингом, на которых вырастают другие «миры» современности — шоу-бизнес и реклама, ведет к тому, что и мир науки заимствует их приемы и методы привлечения и фиксации *внимания*.

Ныне логика культурного, в том числе научного, производства все более подпадает под влияние логики функционирования телевидения и других средств массовой информации с их тенденцией к получению быстрой прибыли, захватом новых рынков, обращением к максимально широкому зрителю и читателю, поскольку благодаря современным медиа, играющим поистине «революционную роль», может быть создана и репрезентирована *публичность*²¹. В ходе этого процесса внимание общества концентрируется на определенных лицах (персонах) и событиях, делая их не только видимыми на экранах, но и значимыми, а многократная фиксация внимания аудитории на них в ходе многократных повторов вызывает общественный резонанс, усиливая их роль и значение. Не случайно *publicity* в значении известность, популярность входит в состав многих рекламных терминов (*publicity campaign, publicity department, publicity agent*), демонстрируя тем самым и этот составной элемент массового признания (узнавания), то есть популярности, который сегодня выступает основой символического капитала.

Причем этот процесс охватывает не только «зрелищные» области культуры, но даже поле науки, и прежде всего — социально-гуманитарные науки. Так, социология и философия больше не представляют собой области, закрытые для журналистов. Последние все более втягиваются в гуманитарные исследования, предлагая свое видение тех или иных профессиональных проблем, вынося свои суждения по поводу отдельных ученых и их взглядов, принимая тем самым на себя отнюдь не свойственные им в соответствии с содержанием их профессиональной деятельности функции *эксперта*. Более того, журналисты, желающие создать себе имидж интеллектуалов,

---

²⁰ Jackall R. (ed.) Propaganda. L.: Macmillan, 1994. P. 7.

²¹ Gerbner G. Mass Media and Human Communication Theory // Sociology of Mass Communications / D. McQuail (ed.). N.Y.; L., 1976. P. 53; Луман Н. Реальность масс-медиа. Пер. с нем. М.: Праксис, 2005. С. 164.

стремятся пригласить на свою передачу ученых, организовать дискуссию и т.п. С другой стороны, многие интеллектуалы, исследователи, университетские преподаватели сами стремятся попасть на экран телевизора или на страницы газет, чтобы получить внешнюю, независимую от собственной профессиональной среды, поддержку своих идей.

Появляются так называемые «*медиа-интеллектуалы*», по меткому выражению выдающегося французского социолога Пьера Бурдьё, чей специфический научный капитал сравнительно мал, однако в силу способности к «быстромыслию» именно они выступают в качестве постоянных участников различных «интеллектуальных» теле- и радиопрограмм. «Для некоторых из наших философов (и писателей), — замечает он, — “быть” значит быть показанным по телевизору, то есть в итоге быть замеченным журналистами или, как говорят, находиться на хорошем счету у журналистов (что невозможно без компромиссов и самокомпрометации)»²².

Интенсивное взаимодействие журналистов и интеллектуалов приводит к стиранию границ между этими группами. В результате происходит то, что Бурдьё обозначил как «*медиа-тизацию*» социальной науки: журналисты и телеведущие, некомпетентные с точки зрения научных норм и принципов, получают возможность влиять на нее, решая, какие проблемы являются важными, а какие — нет, кто может быть экспертом, кто заслуживает определения «блестящий ученый», а кого объявить «ретроградом». Механизм осуществления этой новой — публичной — квалификации авторитета ученого связан с особенностями деятельности журналиста: логика производства сенсации, постоянное стремление к новому, отсутствие необходимой компетентности в чужом профессиональном поле ведут к тому, что «наиболее интеллектуальные из этих новых производителей “знания” [журналистов. — А. Ч.] находят в возникновении “нового” неожиданную возможность деклассировать самых авторитетных интеллектуалов, ученых, чей авторитет в течение длительного времени наводил на них страх»²³. Так осуществляется несанкционированное, но весьма сильное давление на сферу социальных наук. Следствием

---

²² Бурдьё П. О телевидении и журналистике. Пер. с фр. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»; Институт экспериментальной социологии. 2002. С. 17.

²³ Там же. С. 98.

«медиатизации» науки оказывается и изменение представления об ученом. На экранах телевизоров место действительных исследователей все чаще занимают «публицисты», круг которых к тому же достаточно узок, — обладающие учеными степенями люди, стремящиеся сделать карьеру не традиционно научными средствами, то есть не на основе научных достижений, но с помощью открываемых массмедиа новых возможностей, прежде всего за счет репрезентации публичности, полученной с помощью медиа в виде символического капитала известности, усиливающей легитимацию научного статуса.

Таким образом, происходит невольное подчинение проблематики исследований социальных наук *медиаголке*, а сама социальная наука приобретает несвойственные ей «сервисные» функции — обслуживания массмедиа. Естественно, что серьезное публичное обсуждение важных социальных проблем в средствах массовой информации может иметь громадный позитивный результат, но только в том случае, когда имеет место действительно научное их обсуждение, а не подмена обсуждения непрофессиональными домыслами, как это происходит в большинстве случаев. Обусловлено это (если оставить в стороне явное или имплицитное выполнение социального заказа) особенностями публичного дискурса, засоренного *prenotions* (предпонятиями) Эмиля Дюркгейма, фактически стереотипами повседневного сознания — редко ясно выраженными и еще реже тщательно изученными предположениями, некритически выдвигаемыми всякий раз, когда субъективный опыт журналиста или «публициста» возводится в ранг публичного дискурса, а частные проблемы — в ранг научных категорий, и предстают уже как проблемы публичного, общественного звучания. Фактически здесь речь идет о заполнении эфира повседневными мнениями «псевдоэкспертов», что невероятно снижает уровень общественного осознания острых социально-политических проблем.

Практически сегодня именно медиа оказываются самым главным арбитром в нескончаемой борьбе за доминирование в науке. Возможность ученого противостоять внешнему давлению Бурдые определяет в соответствии со сформулированным им «законом Жданова»: чем более независим тот или иной производитель культурной продукции, чем более он богат специфическим капиталом и обращен к узкому рынку, тем более он склонен к сопротивлению. И наоборот,

чем больше он предназначает свою продукцию для широкого рынка, тем более он склонен к сотрудничеству с внешними силами — государством, церковью, партией, журналистами, телевидением²⁴. Тем самым независимый ученый сегодня — практически античный герой, в одиночку противостоящий целому миру.

Массмедиа, опираясь на внешние культурному производству политические и экономические силы, осуществляют незаконное вмешательство в поле науки. Журналисты пытаются диктовать ученым форму и содержание суждений, выступая от имени «широких масс» и демократии, однако под демократией часто подразумевается потребительский рейтинг и поиск новых рынков сбыта продукции.

Конечно же, журналисты — не столько «злодеи» (но уж никак не эксперты), но скорее жертвы профессиональной повседневности. На уровне осознания проблемы журналистами, то есть на когнитивном уровне, существуют определенные *схемы* обработки действительности, выступающие в качестве «механизмов настройки», фиксирующих внимание на определенной информации при игнорировании других сообщений. Именно схемы помогают определять важность (значимость) и смысл информации и ее место в уже существующей системе значений: «Мы подгоняем то, что слышим, под определенную схему и нам трудно понимать то, что не очень хорошо соответствует ей»²⁵. В подобных повседневных практиках воплощены социокультурные смыслы профессии, «выходящие на поверхность» в повседневной деятельности участников этого процесса. Особенно так понимаемой профессиональной культуры является лежащий в ее основе процесс неявного, фонового для участников, но непрерывно организуемого *договорного порядка*, который находит свое отражение в неформальных, неявных сторонах практик, фиксируемых в повестке дня организации, но имеющих как бы двойное дно. Эти неявные практики, или коллективные нормы, получили в коммуникативистике название латентной повестки дня²⁶. Именно на основе этих норм профессиональное сообщество журналистов устанавливает «значимые факты», «приемлемые объяснения», «смыслы текстов». Эти вещи не объясняются, но подразумеваются как само

---

²⁴ Бурдые П. Там же. С. 81.

²⁵ Gamson W.A. Media discourse and public opinion on nuclear power: a constructionist approach // American Journal of Sociology. 1989. № 1.

²⁶ Snyder B.R. The Hidden Curriculum. N.Y: Knopf, 1971.

собой разумеющиеся, и их источником обычно выступает политика конкретного СМИ.

Исследователи считают, что в журналистской среде существует неявное согласие относительно того, что является «стоящим» фактом. Роль подобных конвенций в данной профессиональной группе столь велика, что шведский исследователь Ян Экекранц считает журналистов «сообществом интерпретаторов», для которых профессиональный консенсус выше компетентности любого носителя экспертного знания. Этот консенсус фиксирует базовые позиции относительно происходящего в мире и интерпретации событий, а следовательно, их подачи в СМИ и роли журналистов как интерпретаторов и организаторов публичных дискуссий²⁷. Отечественная исследовательница А.М. Сосновская на основе изучения реальных практик методом включенного наблюдения выделила «неявное правило» *ситуативности*: «Типичный ответ наших респондентов о выборе сюжета и его трактовке в обычной ситуации (если не присутствует никаких интересов, таких, как редакционный заказ, просьба друзей и т.п.): “случайная реакция на случайные события”»²⁸.

Однако для журналистов существенна их близость к власти. Исследователи, анализируя положение различных социальных групп в обществе, выделяют — по критерию «близости» к власти — два основных типа: члены подчиненных групп, удаленных от власти, демонстрируют в своей повседневной деятельности логику исключения и противопоставления себя власти, тогда как профессионалы, воплощающие силу доминирующих социальных институтов, куда относятся журналисты, близкие к истеблишменту, конструируют сферу своей деятельности разделением себя и объекта (в нашем случае — аудитории) как профи и клиента²⁹.

На деле «власть» массмедиа как возможность формировать повестку дня, то есть выстраивать относительную иерархию проблем на основе приписывания им различных степеней важности, — не ре-

---

²⁷ Ekecrantz J. Journalism discursive events and sociopolitical change in Sweden 1925–1987 // Media culture and Society. L.: Sage, 1997.

²⁸ Сосновская А.М. Профессиональная идентичность журналиста (анализ случаев) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 3 (27). С. 117.

²⁹ Шепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 148–158.

зультат чьих-то продуманных и просчитанных решений, а продукт повседневного рутинного процесса производства и сообщения новостей: каждый день издатели и редакторы – стражи ворот в системах новостных медиа – решают, какое информационное сообщение должно пойти, а какое должно быть отвергнуто.

В этих условиях приобретает все более массовый характер конвергенция PR-деятельности и журналистики, проявляющаяся в крепнувшем убеждении, что «публичная экспертиза – это пиар»; в том же направлении работает и слияние медиа с другими видами бизнеса в процессе диверсификации портфелей владельцами медиа-холдингов. Именно давлением промокультуры и PR-деятельности на распределение ресурсов в обществе объясняются все описанные выше негативные для экспертного знания последствия, когда на смену научной, то есть объективной, экспертизе приходит специализированная компетенция, своего рода корпоративное знание, соответствующее корпоративной этике, превосходящей общечеловеческую.

Препринт WP14/2010/05
Серия WP14
Политическая теория
и политический анализ

Черных Алла Ивановна

Экспертное знание и публичная экспертиза

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Корректор *Е.Л. Качалова*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии Государственного университета –
Высшей школы экономики с представленного оригинал-макета

Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,9

Усл. печ. л. 1,86. Заказ № . Изд. № 1308

Государственный университет – Высшая школа экономики.
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Государственного университета – Высшей школы экономики.

Тел.: (495) 772-95-71; 772-95-73